

Марчелло МАСТРОЯННИ.

«Я НЕ СЧИТАЮ СЕБЯ КИНОГЕРОЕМ...»

Вы знаете Марчелло Мastroянни? Того самого, который «знаменитый Мastroянни»? Того самого, который «и Софи Лорен»? Того самого, который во всех журналах?

А он очень простой и очень обаятельный. Ни признака позы. Ни капли «кинозвездного оледенения». В нем чувствуются сильная мысль и страсть. Входит в разговор сразу, без разбега. Говорит горячо, быстро, забывает, увлекшись, о переводчике, жестикулирует — итальянец!

В гостинице, где он живет, все очарованы им — от швейцара до девушки из бюро обслуживания: «Он такой обаятельный!»...

А в первый свой вечер в Москве Мastroянни пошел с дочерью в цирк.

— Почему вы стали киноактером?

— Потому что это является натурой человека — желание выразить себя, сыграть какие-то роли в жизни или мысленно. Со временем, по мере того, как человек взрослеет, это желание взрослеет тоже. Конечно, в этом есть и доля тщеславия, но в той или иной мере оно необходимо каждому. Может быть, даже, что без желания выразить себя человеку вообще невозможно утвердиться как личности, как индивидуальности. Судьба со мной распорядилась так, что актерство стало моей профессией.

— Что вы чувствуете, окончив съемки в очередной роли?

— Когда любовь окончилась — она окончилась.

Когда окончен фильм, это примерно то же самое. Ничто меня не связывает с ним более. Я ухожу от него. Я ухожу из времени, когда я над ним работал, и из переживаний, роднящих меня с ним. Можно любить только одну женщину. Можно жить только одним фильмом.

— Сейчас я хочу задать вам вопрос, который, может быть, имело смысл задать лет двадцать назад: как вы относитесь к цветному кино? Считаете ли, что цвет рас-

ширяет возможности кинематографии, или относите его к «чистому» оформлению?

— Лично я предпочитаю сниматься в черно-белом кино. По-моему, черно-белый вариант подстегивает актера, заставляет его глубже проникать в роль. Такой фильм обладает большей таинственностью, большей драматичностью, он мощнее влияет на зрителя и увлекает его в замысел автора, не дает отвлечься.

Я думаю, что цветное кино — коммерческая необходимость. Предполагается, что цветной фильм производит большее впечатление «чуда» и может доставить больше удовольствия именно в зрелищном отношении. Но я думаю, что это должно нравиться скорее детям.

Исключением является, конечно, тот случай, когда цвет используется как самостоятельный фактор воздействия на зрителя, для передачи настроения, как сознательный режиссерский экспериментальный ход. Для этого нужно быть настоящим мастером и в какой-то мере живописцем. Тогда цвет становится действующим лицом фильма.

— Последнее время во многих фильмах режиссер является и автором сценария. Появился даже такой термин — «авторский кинематограф». Считаете ли вы это естественным? Чем вы объясняете это явление?

— Кино развивается. Сейчас оно уже стало очень глубоким и умным жанром искусства, совсем не таким, каким оно было в прошлые годы, когда люди приходили в ки-

но, чтобы развлечься и отвлечься, чтобы помечтать отведенные им два часа, забыть трудности своей жизни и своего быта. С годами это искусство стало более сложным и тонким, а потому и более чувствительным к трудным вопросам времени. Режиссер перестал быть простым воплощением произведения писателя. Он теперь сам — писатель, только пишет он не авторучкой, а кинокамерой. И потому эти новые режиссеры — сами авторы сценариев и выражают в них свои собственные идеи. Они стараются дать зрителю два часа не развлечения и отдыха, но усиленной нагрузки, раздумий, пытаются заинтересовать публику проблемами, которыми живут сами, которыми вообще живет человек.

— Как вы относитесь к экранизации известных литературных произведений, которые занимают сейчас большое место в кинематографии всех стран?

— Экранизации делались всегда и будут делаться всегда. Чаще всего это не очень серьезно и не является для современного киноискусства определяющим.

— Какая сторона искусства — не только кинематографии — привлекает вас больше — эмоциональная или интеллектуальная?

— Конечно — интеллектуальная! Это ясно! Ведь интеллектуальное кино привлекает меня к фильму, «подключает» к нему не только как актера, но в первую очередь как человека. Я глубоко убежден в том, что современный актер не может забывать, что он

сначала человек, и лишь потом — артист. Я не считаю себя героем кино, и больше всего меня интересуют человек и его проблемы. Актер не имеет права входить в фильм, зная в себе лишь актера, более того, я считаю, что никогда ни одному актеру и не удавалось «подключать» себя к роли иначе, чем как человека.

— Вам очень надоели корреспонденты?

— Конечно, я знаю, что фотографировать и давать интервью тоже входит в мою профессию. И тем не менее порой страшно хочется отделаться от репортеров, от фотокинокорреспондентов — хочется побыть одному и побродить по улицам, как все нормальные люди. Кроме того, у меня постоянно спрашивают о впечатлениях и мнениях по самым различным вопросам. Здесь очень легко возгордиться, почувствовать себя не таким, как другие, поверить в свою исключительность.

— Скоро Новый год, что вы могли бы пожелать молодежи — читателям нашей газеты?

— Я хочу вашим юношам и девушкам пожелать счастья и любви.

* * *

С дочерью и женой Мastroянни выходит на улицу — они едут осматривать Кремль. Это — их последний московский вечер. Москва провожает их дымчатыми силуэтами башен и стрекотом кинокамер. Назавтра — самолет Москва — Рим.

Беседу вел А. АРОНОВ.

Комсомольская правда, Москва, 1968, 31 декабря